

она выросла морально зловредной, нужно в литературе показывать правду жизни. Й. Плева — настоящий художник, он показал эту правду во всей ее суровости и красоте. Поэтому книга его стала классическим произведением чешской детской литературы.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «САГИ О ФРИТЬОФЕ»

Э. Тегнер. Сага о Фритьофе. Перевод со шведского Д. Бродского. Вступительная статья В. Адмони. Примечания Ю. Светланова. Москва, Гослитиздат, 1959. 223 стр.

Первый перевод этой книги на русский язык появился в 1841 году, и первым русским критиком, рецензировавшим ее, был В. Г. Белинский. В восторженном отзыве отмечалось, что основным достоинством «Саги о Фритьофе» является «идея мужества, доблести, правды, любви и всего, чем гордится человечество, в чем люди сознают свое братство...»

Поэмы выдающегося шведского писателя первой половины XIX века Эсайаса Тегнера прочно и надолго заняли свое место на полках русского читателя. Перевод Я. Грота был затем переиздан в 1874 и 1898 годах, а

РОМАН, БЬЮЩИЙ ТРЕВОГУ

Гюнтер Вайзенборн. Построено на песке. Перевод с немецкого Е. Закс и Н. Португалова. Редактор Е. Фрадкина. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 296 стр.

Бывший убийца становится добрым мороженщиком. Бывшие палачи сотрудничают с бывшими жертвами, томившимися в тех самых

Когда-то М. Горький писал о «Маленьком оборвыше» Д. Гринвуда, что он прочитал книгу от начала до конца со светлой улыбкой, несмотря на то, что в ней было много печального. Хочется то же самое сказать и о «Маленьком Бобеше». Светлый оптимизм, ра-

в 1935 издательство «Academia» выпустило новый, более соответствующий подлиннику и более талантливый перевод, который ныне стал библиографической редкостью. Поэтому последнее издание «Саги о Фритьофе» является своевременным.

Тегнеровское произведение — вольная поэтическая обработка древнеисландской саги, и это обусловило его суровую простоту, сугубую конкретность изображаемого, всепроникающий национальный и временной колорит. Но главным источником непреходящей молодости «Саги о Фритьофе» стала отчетливость и масштабность гуманистического идеала Тегнера, демократизм его идейных принципов, органическое слияние двух, казалось бы взаимоисключающих, начал: классической стройности и стихийной темпераментности, подчеркнуто рационального и столь же подчеркнуто эмоционального.

Перечитывая поэму, убеждаешься, что и сегодня она

достоинство бытия освещают всю повесть. «С сегодняшнего дня у нас опять начинается новая жизнь. Может быть, она будет все-таки лучше...» — так верой в будущее заканчивается книга чудесного мастера слова Йозефа Плены.

И. Чернявская

не покрылась налетом антикварной пыли, что и сегодня она интересна не только чисто литературными достоинствами, но способна глубоко влиять на эмоциональный мир человека середины двадцатого столетия. Поистине пророческими оказались слова Белинского: «Да, народная поэзия *такого* племени доступна всем народам и всем векам...»

В новом, третьем по счету, переводе Д. Бродского учтены и достижения и ошибки предшественников, сохранено сложное ритмическое и размерное многообразие поэмы.

Тексту предпослана вступительная статья В. Адмони, в которой историко-литературный и эстетический анализ самой поэмы дан в непосредственной связи с общей характеристикой творческого наследия Тегнера. Книга издана сравнительно большим тиражом и, надо думать, найдет путь к уму и сердцу советского читателя.

Вл. Матусевич

застенках, куда первые некогда аккуратно, без опозданий приходили на «работу». Ночью несколько человек тайно роют под зданием банка подземный ход. И в ту же ночь бешено мчится машина, увозящая задавленного во время обвала рабочего...

Это не новая сказка и не кадры из гангстерского фильма. Это фрагменты, выхваченные из будничной жизни современного Бонна, «федеральной столицы», «нового Вавилона», как его называет один из персонажей

романа Гюнтера Вайзенборна «Построено на песке», — Бонна, где разместился бундестаг, его административная машина, многочисленные солдатские «союзы» и штаб-квартиры неонацистских организаций.

Стремительно развертывая одну за другой картины по-американски модернизированной жизни этого когда-то идиллически тихого старонемецкого города, писатель призывает не верить ее миражам. Не верить кажущейся надежности в дей-